КАКЪ СОЛДАТУ, КОННОМУ И ПѢШЕМУ, УПРАВЛЯТЬСЯ СЪ НЕПРіЯТЕЛЕМЪ.

Всѣ мы подъ Богомъ ходимъ, дышемъ милосердіемъ и волею Его; и солдатъ также. Но солдатъ, который смерть за плечами носитъ, рука–объ–руку съ нею ходитъ, глазъ–на–глазъ съ нею сталкивается и не смигиваетъ — солдату нельзя не помнить Бога и не уповать на Него въ каждый часъ, въ каждую минуту.

Всѣ мы слуги вѣрноподданные Государя нашего; всѣ мы молимъ Господа напередъ о здравіи и многолѣтіи Царя, а тамъ уже о себѣ; всѣ мы служимъ ему, кто рукой, кто головой; но солдатъ, служа грудью и животомъ, выше другихъ стоитъ и ближе къ Государю своему, который самъ нерѣдко на ратномъ полѣ благоволитъ называть солдатушекъ своихъ дѣтями–товарищами. Солдату, какъ защитнику престола

царскаго, слѣдуетъ безъ думки, безъ оглядки, безъ оговорокъ, дѣлать по наказу Государеву и жить волею его.

Да оно такъ и есть: рядовой солдатъ не сенаторъ, не ему разсуждать, и рядить, и судить: какъ, да что, да почему, да для чего? — это не наше горе, не наша печаль; есть на это другіе. Но солдатъ, какъ человѣкъ, которому далъ Богъ безсмертную душу и смышленную голову, долженъ разсуждать и думать, какъ бы получше, да поисправнѣе сдѣлать то, что приказано; какъ бы самому быть молодцомъ, да и другимъ, которые помоложе, примѣръ показать, да научить ихъ добру. Ты, какъ бывалый, полѣзешь впередъ а на тебя глядя, человѣкъ пятнадцать туда же, а за ними и весь баталіонъ. Скажу вамъ теперь завѣтныя слова стараго, обстрѣленнаго Суворовскаго солдата, который видалъ, на свѣтѣ побольше нашего, наглядѣлся на ратный бой спереди и съ тылу, со стороны и съ боку, съ лица и съ изнанки.

Заряжать торопись, а палить не торопись.

Заряжать торопись для того, чтобы былъ ты исправенъ, чтобы не застать тебя въ–расплохъ, чтобы было тебѣ чѣмъ отплевываться — незаряженное ружье та же дубинка. Палить не торопись для того, что пули не воротишь; а коли выпустилъ ее навѣтеръ, такъ въ этомъ пути ни на грошъ; лучше было бы и не стрѣлять, не тратить царскаго добра попустому, не приходилось бы тебѣ снова заряжать.

Никогда не говори: пуля виноватаго найдетъ.

Эта оговорка самая плохая, ребята. Пуля найдетъ того, на кого ты уставился дуломъ; а искать виноватаго по сторонамъ, въ обходъ, да закидывать крюки и петли не станетъ: это не борзая собака. Стволъ у тебя въ ружье прямой, — прямо пошла и пуля твоя: есть что на пути — собьетъ съ ногъ; а нѣту — пошла въ поле. На то у тебя глаза, на то руки, на то мушка поставлена на стволѣ, чтобы ты цѣлилъ поколѣ пуля

еще у тебя въ рукахъ, да пускалъ бы ее мѣтко, а не на авось. Поэтому и не говори: пуля виноватаго найдетъ, и торопись заряжать, а палить не торопись. Коли стрѣляешь по фронту непріятельскому, либо въ толпу, мѣть въ полчеловѣка; коли ты въ застрѣльщикахъ, да въ–разсыпную, одинъ–на–одинъ, прицѣливайся повыше полчеловѣка, въ грудь; а если вѣрно приложился, такъ тогда уже говори смѣло: виноватаго найдетъ; тогда она не обойдетъ, не пожалѣетъ ни кого. Коли стрѣляешь по конному фронту, спереди, съ лица, бей въ половину вершника, въ лошадиную голову: коли сзади, пускай по забедрамъ; коли стрѣляешь по одному конному, мѣть въ разрѣзъ шага, либо еще пониже немного, въ лошадь; подъ которымъ лошадь подбилъ, тотъ тебѣ не страшенъ, тотъ изъ фронта вонъ. Гдѣ можно, стрѣляй по офицерамъ; гдѣ случится стрѣлять по артиллеріи, которая на–походѣ, старайся подбить подъ орудіемъ лошадь; поколѣ тамъ управятся обрѣзать, либо отложить постромки, наши ину пору подоспѣютъ, да отобьютъ пушку.

Застрѣльщики, стрѣляйте въ–мѣру!

Журавля въ поднебесьи не убьешь. Знай мѣру, да подходи ближе; подбѣгай тогда, когда противникъ твой выпустилъ зарядъ, а самъ маху не давай: поколѣ пуля въ ружьѣ — твоя рука владыка. Смѣлый, хорошій застрѣльщикъ не боится сойтись въ–мѣру, а плохой стрѣляетъ ради одного стуку, чтобъ веселѣе было. А непріятель твой также, чай, не налимъ–рыба, шумомъ да стукомъ и его не удивишь; а мѣткой пули твоей онъ боится; сбей съ ногъ, такъ и съ рукъ сжилъ, принимайся за другаго.

Работай штыкомъ смѣлѣе: штыкъ не обманетъ!

Это правда великая, ребята: нѣтъ надежды крѣпче, какъ на Бога, на Государя, да на вѣрный штыкъ: не дастъ онъ ни осѣчки, ни вспышки, въ–расплохъ его не застанешь; заряжать его не надо, промаху нѣтъ; — пулей за камнемъ, за деревомъ не достанешь, а штыкомъ изъ земли выковырнешь! Хорошему пѣхотинцу и конный въ–одиночку ничего не сдѣлаетъ,

не сунется на штыкъ, не только съ палашемъ, ни даже съ копьемъ.

Принимай пѣхота конный ударъ залпомъ, а отстаивай штыкомъ.

Много виноваты, ребята, тѣ, которые, не дождавъ команднаго слова, стрѣляютъ по конницѣ, что идетъ въ атаку; рѣдкая конница выдержитъ встрѣчный залпъ шаговъ на 50, а самую плохую не удивишь, коли пустишь по ней батальный огонь, на полтораста шаговъ; тутъ она и налетитъ, да въ–расплохъ тебя и застанетъ. Много ли такихъ найдется, что полѣзутъ на тебя, коли уставишь ему дуло въ–упоръ и курокъ у тебя на второмъ взводѣ? А коли выпустилъ пулю на–вѣтеръ, да спохватившись заднимъ умомъ, торопишься зарядить, — такъ тутъ еще страшнаго не много: сунуться на тебя можно, можно и подмять подъ лошадь. А приложившись по встрѣчному фронту, не давай у себя глазамъ разбѣгаться, не думай: вотъ налетитъ, вотъ срубитъ! не сунется онъ на ружье въ прикладѣ, а сунется, — не уйдетъ;

не отъ тебя скачетъ онъ, а на тебя, выпалить успѣешь. Поэтому и не пускай пули, какъ часто бываетъ, черезъ голову, а пускай вѣрнѣе, не на авось: тотъ не срубитъ тебя, котораго пуля твоя свалила, а срубитъ тотъ, котораго обошла.

Коли залпъ дали по слову, и конница не осадила, а налетѣла на тебя вплоть, тогда одно тебѣ спасеніе: стой дружно, да отстаивай штыкомъ; тогда пришелъ чередъ отстрѣливаться одной второй шеренгѣ, а ты держись плотно, да ровняй штыковый частоколъ; не оглядывайся на полступни, не подавайся ни взадъ ни впередъ, а то какъ разъ ворота сдѣлаютъ и тебя изрубятъ перваго. Какъ пошли на побѣгъ, торопись заряжать, да посылай пулю въ погоню, хоть и не такъ близко, тутъ нужды нѣтъ.

Въ–штыки иди очертя голову.

Въ–штыки, на–проломъ, на приступъ — это иное дѣло, это не въ застрѣльщикахъ. Тутъ нечего ни думать, ни гадать, ни оглядываться: перекрестись, прочитай короткую солдатскую молитву: во имя Отца

и Сына и Святаго Духа, аминь — и пошелъ впередъ, сколько ногъ и силъ твоихъ станетъ, пошелъ дружно, густо, сильно, прибавляй шагу чѣмъ ближе подходишь, вались, какъ съ горъ земляная вода, когда раздуетъ вешней порой ручьи и рѣчки и ломаетъ и мельницы и плотины, и лѣса стелетъ навзничь, и сноситъ дома да избы, — тутъ уже взялъ не взялъ напоромъ, первымъ дружнымъ натискомъ, а оглядкою да разстановкою не возьмешь. Тутъ что скорѣе до свалки, то и меньше побьютъ; а до рукопашной добрался, такъ уже твоя взяла. Назадъ не гляди: тамъ идетъ подмога, резервъ, и безъ твоей команды, на это распорядились и безъ тебя.

Главное правило солдату, конному и пѣшему: *иди впередъ*. Коли ты подался впередъ, такъ непріятелю нельзя не податься назадъ; не то ноги ему отдавишь; а коли ты подался назадъ, непріятель полѣзъ впередъ. Это все одно, что взять два шара, пожалуй, два ядра, либо двѣ свинцовыя пули: одну поставь на мѣсто, другую покати, чтобы она по той ударила. Вѣдь,

кажись, одна сила, одинъ вѣсъ въ той и въ другой; а какъ только накатилась та, что пустилъ ты въ ходъ, да толкнула другую, стоячую, такъ эта и подалась назадъ, и сбило ее съ мѣста. Вотъ почему пѣхота пѣхоту, а конница конницу встрѣчаетъ и принимаетъ не стоя намѣстѣ, а на ходу, чтобы ровнять ударъ удару. Только пѣхота кавалерію встрѣчаетъ, какъ сказано было, не трогаясь съ мѣста, а упершись дружнѣе и плотнѣе, да выставивъ штыки; и это потому, что пѣшій конному не товарищъ; пѣхотной колоннѣ, либо карею, нельзя дать того разгону, что конницѣ, а можно ей стать ежомъ, ощетиниться штыками и не дать конницѣ сойтись и столкнуться.

Конному солдату помнить надо, что у него не карабинъ, не пистолетъ оружіе, а сабля, палашъ, либо копье. Пистолетъ и карабинъ — игрушка, нужны, когда пойдетъ онъ въ наѣздники, на фланкировку, да нужны на пикетѣ, въ разъѣздахъ, на цѣпи. Конницѣ, коли идетъ въ атаку, пуще всего надо взглядываться, чтобы итти ровнѣе, колѣно съ колѣномъ, не разрывать фронта,

не пускаться съ мѣста маршъ–маршъ, а рысью; подойти на близкое растояніе, выдержать залпъ, коли противъ пѣхоты или артиллеріи, да потомъ и ударить, закусивъ повода, и рубить. Нѣтъ хуже того, какъ бываетъ ину пору, что солдаты погорячатся сначала, одинъ выскочитъ, другой выскочитъ, понесутся, поскачутъ, лошади загорятся не доскакавъ до мѣста, — тутъ, глядишь, одинъ отсталъ, другой отсталъ, фронтъ разстроился, разорвался, — пѣхота дастъ встрѣчный залпъ, и конница, видитъ, надежда плоха — и поворотила назадъ. А во вторую и въ третью атаку и у непріятеля духу поприбавится, коли видитъ, что тамъ не беретъ, да и лошадь твоя уже изноровится, поворотивши разъ послѣ залпа, хочетъ и въ другой и въ третій тоже. Конному солдату, а и пуще фланговому, надо беречься, чтобы въ атакѣ не давать лошади нажиматься да налѣгать: какъ только съ фланговъ пожмутъ, такъ середку и выжмутъ либо назадъ, либо впередъ, а одна только лошадь выскочитъ изъ фронта,

такъ уже рѣдко уцѣлѣетъ и весь строй: собьются и лошади и люди.

На франкировкѣ наѣзднику надо быть и расторопнымъ и осторожнымъ, какъ застрѣльщику; держать линію, поглядывать на товарищей, мыкать взадъ впередъ, въ бокъ и въ другой, чтобы не дать непріятелю вѣрной цѣли; подстерегать противника своего въ–расплохъ и кидаться смѣлѣе во всѣ повода, коли улучитъ на то спопутный мигъ, для себя и для товарищей. Стрѣлять и тутъ попустому не стрѣляй, чорта не тѣшь, а надежду клади на холодное оружіе, на саблю, на палашъ, на копье.

Одинъ патронъ въ ружьѣ дороже тысячи въ полѣ.

*

* *

Пуля въ поле — холостой зарядъ; промахъ та же хлопушка.

*

* *

Люби пулю, а держись за штыкъ.

*

* *

Стой дружно, не будетъ грузно.

*

* *

Стрѣляй тихо, заряжай скоро.